

● **Беспросветная, до последнего твоего часа ночь — есть ли еще что более трагичное для человека, глаза которого перестали видеть! Оказывается, есть: когда перестают «видеть» сердца у тех, кто живет рядом с чужой бедой...**

Махлин А.
Неужели еще может быть такое в наше время! В стране, где все — во имя человека! И не где-нибудь в провинциальном тупике — в знатном Шебекинском районе, в зажиточном колхозе имени Калинина!

...**КРОШЕЧНАЯ**, неизвестно в какие времена слепленная из самана хатенка. Ветхая настолька, что, кабы не жерди-подпорки, давно рассыпалась в прах. Годами не знавшие побелки стены облужены у основания слоем кукурузных стеблей — для утепления. Крохотные — накрыты ладонью! — оконца заперены густым слоем пыли. На крыльцо ступить боязно. Неужто ошибся адресом? Неужто живут?

Беззлобно, скорее от удивления, что появился во дворе чужой, твякнула собачонка. Скрипнула дверь, и из черного провала сенцев вышла женщина. Пиджачишко, какого не сыщешь и в хламе старьевщика, засаленный, в латках, пришитых крупным неровным стежком разноцветных ниток. Старая юбка, изрядно стоптанные мужские ботинки на ногах. Темным шерстяным платком укутана голова. И — глаза, которые тщето ищут меня.

— Да, Пелагея Лукьяненко — я. По мою душу? Ну ходите в хату...

Комната-клетушка, потолок едва не задевает головой. Земляной пол. Вся «обстановка» — небольшой столик, пара шатких табуретов, кровать, застеленная каким-то тряпьем, пара икон на стене.

Вей шестьдесят один год. Если и есть что доброе помянуть в своей жизни, так ту пору, когда ее, ребенка, обреченного с рождения на слепоту, баловали чем могли родители. А могли немногим — лишним куском житного, добавочной ложкой гарбузовой каши да кружкой молока. Небогато жила крестьянская семья Лукьяненко.

Вспуганной птахой прометнулось детство. В боях за Кавказ погиб в 1943-м батя. Остался вдвоем с матерью. И та, надрываясь из последних сил, поднимала колхоз, тянула личное немудреное хозяйство, поддерживала дочь-инвалида, которая только и отличала темень от света, да угадывала знакомые предметы по смутным теням. А потом не стало и матери. Долгие годы жила Пелагея Лукьяненко на свою пенсию — 18 рублей. Как жила, и сама сказать не может. Но факт остается фактом — выдохнула. Потом пенсию прибавили.

Слушал я негорюливую речь П. Лукьяненко и все ждал: вот-вот начнутся жалобы на горькую жизнь, выплеснутся враз обиды на мир людской. Но ни единого слова упрека...

— А что жаловаться? — рассуждает тетка Пелагея. — Жить можно: хлеба кусок всегда есть, огородишко, вода неподалеку, уток девять штук завела. Вот только дрова...

Но и это не упрек, скорее — недоумение: неужели им, зрячим, трудно? Мерзнет зимами тетка Пелагея — топить нечем. Сколько раз уже ходила в правление колхоза, просила помочь.

— За два года отдала квитанции и деньги, так ни денег, ни квитанций. Канули, — говорит моя собеседница, — я уж так...

А «так» в ее понятии — значит отдать деньги «левам», и те, будьте уверены,

привезут ей машину дров. Не даром, конечно. Минимум — сорок рубликов за «возок». Месячная пенсия, но ничего не подлаешь... Не умирать же от холода.

Но далеко не все поведала мне тетка Пелагея. Промолчала, например, о том, что за последние два десятилетия (!) никто из колхоза ни разу не предложил ей помощи. О том, что не раз обивала пороги правления, прося починить хату, и если бы не первичная организация Всесоюзного общества слепых, вряд ли бы завезли в ее двор стопку шифера и кладку силикатных блоков. Но шифер лежит нетронутым... вот уже семь лет. Сколько суждено пролежать блокам — никому неизвестно. Провожала молча. Никаких просьб. Отпросила свое...

По соседству с Лукьяненко стоит еще одна хата, Матрены Ефремовны Хижяковой, семидесяти четырех лет. Инвалид первой группы — полная слепота. Но еще двадцать лет назад она видела мир, чувствовала себя полноценным человеком. В девичестве — ладная, жизнерадостная. Вплоть до самой инвалидности работала в колхозе птичницей, значилась на хорошем счету у руководства: грамота — хоть стены оклеивай.

Наверное, Матрена Ефремовна не замечала слез, текущих из ее незрячих, устремленных куда-то мимо меня глаз. Рассказывала вроде спокойно и ровно, да только от этого спокойствия сердце ledeno. Можно сказать, М. Е. Хижяковой повезло — векует не одна, со старшей сестрой Анной Ефремовной Бутенко. Та — видит. С трудом, опираясь на палочку, ходит, хлопочет по хозяйству. Невелико оно у сестер — десяток кур, но все подмога.

— Ничего, жить можно, — бодрится Матрена Ефремов-

на. — Ране-то жили на самом краю села, у яра. Вот тогда худо было. Но скопили деньги, купили хатку ближе к центру. Сестра вот не покидает меня. Пенсия, слава богу, есть, хватает. С дровишками, правда, вот... Вроде и не отказывают — выписывают дрова-то, а вот как быть с ними, ума не приложим.

Да, то, что отпускает инвалидам и престарелым местный лесхоз, действительно не просто обратит в дрова. Даже людям здоровым. Целые хлысты или длиномер иначе как трактором не вытянешь с мест порубок на дорогу. А дерево надо еще и на поленья распилить. Под силу ли это старикам, да еще и незрячим?

И еще одна встреча, в Ломовке, с 62-летним Василием Николаевичем Жингаловым. Инвалид второй группы. Лишь

просьбой помочь инвалидам? Покидая колхоз Калинина, был уверен: хуже того, что здесь увидел, не увижу. Но подвела меня моя уверенность.

...Белянка. Добротные, изищной кладки дома на одной из улочек центральной усадьбы колхоза «Ленинский путь», а рядом, через забор, — полуразрушенный дом с заколоченными намертво ставнями: свет здесь не нужен — жилье слепого человека. После долгого стука дверь дома открылась и из нее вышла худощавая, невысокого роста старушка, постукивая перед собой палочкой, засеменила к калитке. Узнав знакомые голоса работников общества слепых, с которыми я приехал сюда, запричитала:

— Ой, риднисеньки, спасибо, что приехали! Что не забыли — спасибо!

Слепота

Ксении Евдокимовне Чичуле восьмой десяток. Одинока. Без малого шесть десятилетий составляет ее трудовой стаж. Чуть более десяти лет назад, работая на протравке посевного зерна ядохимикатами, почувствовала острую резь в глазах. На следующий день была доставлена в районную больницу. Домой привезли слепой.

Был муж, да не стало мужа. Был сын... Но лучше бы уж не было такого: бражничал, мотался по свету. Когда с матерью случилась беда, неожиданно объявился, приехал откуда-то из-под Ленинграда. Убедил мать собрать все свои сбережения и ехать к нему. Тронутая до слез вниманием чада, Евдокимовна увязала в носовой платок все свои кровные 250 рубликов, отложенные на смертный час, и отправилась в дорогу. Только неожиданно короткой оказалась эта дорога: на железнодорожном вокзале Белгорода, выманив у матери деньги, скрылся сынок в неизвестном направлении. Беспомощную слепую привезли с вокзала домой чужие люди.

Оглядываю жилье К. Чичулы. Запустение. Едва прикртая нищета. Земляной пол. Портрет Евдокимовны в молодости — красива была, особенно глаза: светлые, выразительные. Худо живет старрой женщине. Рушится дом. Топить нечем — потихоньку разбирает сараюшки во дворе. Сколько раз в прошлые зимы угорала от печи. Силы уходят: воды принести, хлеба купить — проблема.

Частенько выходит Евдокимовна за порог, прижмет к заборчику, ждет: не появится ли прохожий? Появится — попросит купить что-либо из продуктов или воды принести. Мир-то, как известно, не без добрых людей! Не задаром, конечно. За деньги. Берут! Из-

вестна белянцам и такса: на рубль старухе продуктов — рубль себе за «труды». Четыре ведра воды принес — тоже рубль. Но случается и так, что деньги берут, а ничего не приносят...

Непостижимо: за трибунными речами, радующими душу сводками и справками о растущем благосостоянии сельчан, улучшении социального обеспечения престарелых и инвалидов — полунищенское (наберемся мужества назвать вещи своими именами) существование людей.

Замечательны подвижнические подвиги — создание особых счетов, перечисление денежных средств в благотворительные фонды. Но не известно ни об одном предложении найти возможность оказать настоящую помощь людям, обреченным на вечную тьму и неспособным обеспечить себе нормальное существование. Хочу быть правильно понятым: я не против пожертвований в различного рода фонды — дело святое и человеческое. Я против того, чтобы сбором денежных средств подменялось настоящее внимание к людям. Мне могут возразить: сгущаю краски, на двух-трех примерах леплю скоропалительные эмоциональные обобщения. Ах, кабы так все было...

540 рублей — такова сумма, ежегодно выделяемая району Белгородской областной организацией ВОС на материальную поддержку 180 инвалидов по слепоте. Конечно, мизер. Но разве нельзя проявить акции милосердия на местах? Не «чужим» — своим людям, колхозным? Людям, которые больше всего нуждаются во внимании. Элементарном. Человеческом. Более того, они сами готовы отдать последние свои гроши за это самое внимание. Не столь большие расходы понес бы любой колхоз, взяв на себя заботу об улучшении питания инвалидов. Неужели такая проблема построить межколхозный интернат для престарелых и инвалидов, не имеющих родных? Но может и не надо межколхозный? Может, достаточно построить на месте небольшой, на десяток человек (больше, поди, и не потребуется), дом и окружить его обитателей надлежащей заботой?

Легкую жизнь обеспечил себе Шебекинский районный отдел социального обеспечения. При явном раздутых штатах внимание оказывают прежде всего в основном семьям. И в том есть свой «резон»: что проще — навестить семью, где имеются сразу и инвалид, и престарелый, или тащиться к одинокому, да еще и на отшиб? Конечно же, первых: тут «обхват» больший, соответственно и премиальные «сбесовцев» не обойдут...

Только обратившись душой к людям, можно узреть лик человеческой беды. Беды, которая живет так близко от тебя. Беды, которую невозможно понять, имея незрячее сердце.

А. МАХЛИН.
Белгородская область.